

Леонид (Кавелин) 1887: Леонид (Кавелин), архим. Сведения о славянских рукописях, поступивших их книгохранилища св.Троице-Сергиевой лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 г. Вып. 1-2. М., 1887.

Сергий 1997 : Сергий (Спаский), ахиер. Полный месяцеслов Востока. Т. 1 – 3. М., 1997.

Славова 1989: Славова Т. Преславска редакция на кирило-методиевския старобългарски евангелски превод. // Кирило-Методиевски студии. Кн. 6. София, 1989.

Словарь книжников и книжности Древней Руси 1988: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Ч. 1 (2 пол. XIV – XVI вв.). Л., 1988, с. 126-133.

СлРЯ XI-XVII вв.: Словарь русского языка XI-XVII вв. М., 1975 –

Соболевский 1894 (А): Соболевский А.И. Югославянское влияние на русскую письменность в XIV–XV в. СПб., 1894. // Соболевский А.И. История русского литературного языка, Л., 1980, с. 147-158.

Соболевский 1894: Соболевский А.И. Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV–XV в. СПб., 1894.

Соболевский 1903: Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. // Сборник Отделения русского языка и словесности. СПб., 1903. Т. 74. № 1, с. 1-37.

Соболевский 1910: Соболевский А.И. Особенности русских переводов домонгольского периода. // Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910.

Справ.вып.: Словарь русского языка XI-XVII вв. Справочный выпуск. М., 2001.

Срезневский 1875: Срезневский И.И. Февральская книга Минеи четии древнего состава по списку XV в. // Сб.ОРЯС. Т. 12. СПб., 1875, с. 377-390.

Срезневский. Словарь: Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка. СПб., 1893; переизд. М., 1989.

Турилов 1995: Турилов А.А. Болгарские литературные памятники эпохи первого царства в книжности Московской Руси XV –XVI вв. (заметки к оценке явления). // Славяноведение. 1995. № 3, с. 31-45.

Турилов 1998: Турилов А.А. Восточнославянская книжная культура конца XIV–XV вв. и «второе южнославянское влияние». // Древнерусское искусство. Сергей Радонежский и художественная культура Москвы XIV–XV вв. СПб., 1998, с. 321-337.

Успенский 1987: Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). München, 1987.

Worth 1983: Worth D. Так называемое «второе южнославянское влияние» в истории русского литературного языка. // IX Международный съезд славистов: Резюме докл. и письменных сообщ. Киев, сентябрь 1983. М., 1983, с. 222-223.

Я.А.Пенькова (Россия, Москва,
Институт русского языка им. В.В.Виноградова РАН)

БУДУЩЕЕ СЛОЖНОЕ ВТОРОЕ В ДЕЛОВЫХ ГРАМОТАХ XV В. И ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ УСЛОВНОГО СОЮЗА *БУДЕ(Т)*

Глагольные бесприставочные образования от основы *буд-* в истории русского языка обнаруживают тенденцию к утрате предикативности и дальнейшему превра-

щению в служебные слова или морфологизации в составе неопределенных местоимений. Условный союз *буде(т)* известен в русском языке XVI-XVII вв. и в современных говорах русского севера, ср.: *и будетъ похочеть маистръ, и онъ бы былъ самъ, да и бискутъ, сами за свои вины били челомъ и дань положили на всю свою землю* (Никон. лет., 297, 1558 г.); *буде нет замка, дак зайду в избу коромысло выну* [Пожарицкая 2010, с. 122]). В русистике вопрос о происхождении союза *буде(т)* до конца остается не решенным, а диалектная специфика не изучена вовсе.

Большинство исследователей возводят условный союз *буде(т)* к употреблению вспомогательного глагола в составе будущего сложного II (ниже – *будет + л*) – структуры, в составе которой *л*-форма переосмысливается как претерит, а вспомогательный *будет*, утрачивая предикативность, превращается в условный союз; другие – к безличным и связочным употреблением в составе именного сказуемого [Лавров 1941, с. 44-46]; третьи – к употреблению независимого т.н. «вводящего» *будет* [Шевелева 2008, с. 54].

Особое значение для изучения вопроса о происхождении условного союза *буде(т)* имеет деловая письменность XV в. – сфера наиболее частотного употребления конструкции *будет + л* в период, непосредственно предшествующий широкому распространению в письменности условного союза *буде(т)*.

Как показало исследование, в московских грамотах XV в. в сравнении с более ранним периодом частотность употребления рассматриваемой структуры возрастает примерно в 2 раза (с 18 примеров на 14 грамот в XIV в. до 132 в 70-ти грамотах XV в.). При этом основная сфера функционирования структуры – предложения с корреляционной связью (115 примеров из 132), в которых *будет* употребляется в составе устойчивых начальных формул типа *а что будет... а кто будет... а где будет*, ср.: *А хто будет моих казначѣев или моих дѣяков прибыток мои ѿ мене вѣдали, или поселских, или тиоунов, или хто женилс оу тѣх, ино тѣ всѣ не надобны мои кн(г)(и) нѣ и моим дѣтем* (ДДГ, №61а, 1461-1462 гг.).

Важной синтаксической особенностью большинства структур подобного типа является их осложнено-распространенный характер, который способствует тому, что, с одной стороны, *л*-форма оказывается удалена от вспомогательного *будет*, а, с другой, местоимение из придаточной части настолько далеко отстоит от коррелята в главной части, что легко утрачивает соотношение с ним. Это приводит к перестройке оснований синтаксической связи частей сложноподчиненного предложения – в результате коррелят главной части (в большинстве случаев – *то*) воспринимается как отсылающий к ситуации в целом, а структура – не как местоименно-соотносительная, а как условная.

Можно выделить два типа перестройки структур из местоименно-соотносительных в условные:

I) в случаях первого типа придаточная часть вводится формулой *а что будет*, однако местоимение *что* при этом оказывается семантически пустым, не кореллянтным корреляту *то* в главной части и не связанным с предикатом придаточной части, одноименная валентность которого уже заполнена именем существительным, ср.: *А что будет кн(з)ь Василеи... имал твою вотчину или люди его грабили твою вотчину, а на то суд и исправа* (ДДГ, №30 б, 1433 г.); *А что есмь... взл страсти*

Спасовы... или что есмь взл твою казну... так же... **что буду** взл в твою казну грамоты докончалные... и мнѣ, з(о)с(поди)не, все **то тобѣ** отъдати (ДДГ, №48, 1447 г.). Возможно, на определенном этапе комплекс *что будет* выступает в качестве единого показателя синтаксической связи в предложениях рассматриваемого типа, поскольку из 37 подобных примеров только в шести *будет* не следует непосредственно за местоимением *что*.

2) В случаях второго типа «бывший» коррелят в придаточной части начинает восприниматься как неопределенное местоимение, при этом местоимения в придаточной и в главной частях не соотносятся друг с другом – последнее отсылает к именной группе, заполняющей одноименную валентность предиката, ср.: *А **кто будет** тѣхъ земля купил, хоти и при штицы нашом, великом кн(зи), а без грамот штица нашог(о), великог(о) кн(з), и по штица нашог(о), великог(о) кн(з), жывоу хто будет тѣхъ земля купил без нашихъ грамот, тѣмъ землямъ всѣмъ потнут(и) по старинѣ* (ДДГ, №66, 1472 г.); *здѣ **будет** на твоихъ городѣхъ дан(ь) имал, или кого **грабил** твоихъ кн(з)еи, и борь, и дѣтеи борьскихъ... и мнѣ **то**, з(о)с(поди)не, тобѣ, великому кн(з)ю, штидати все* (ДДГ, №35 II а, 1436 г.).

Таким образом, корреляционная связь между частями предложения ослабевает, что приводит к переосмыслению нерасчлененных местоименно-соотносительных предложений в качестве расчлененных условных. Как кажется, способствует этому особый характер рассматриваемых структур, отличный от современных возможностью более широкого использования в них сочинительных средств наряду с подчинительными [Лавров 1941, с. 30-40].

«Бывший» коррелят в главной части отсылает теперь ко всей ситуации, обозначаемой в придаточной, а местоимение, выполнявшее роль показателя синтаксической связи, эту функцию уступает вспомогательному *будет*, который вытесняет местоимение из препозиции и начинает употребляться в абсолютном начале придаточной части – так, как обычно употребляется условный союз. Конструкции, характеризующиеся данными особенностями, предлагаем называть новыми условными предложениями в противоположность старым условным, использующим условные союзы *ажже, оже, аще* и др., ср.: *А **будут** брат(ь)я твоя молодшая поимали казну мою, и имъ с тѣмъ со мною подѣлит(и)* (ДДГ, №36 б, ок. 1439 г.); ***будет** штичину мою кто **грабил**, и тот грабежь, кто будет что взл, и шнѣ штидасть назадъ все* (ДДГ, №35 I а, 1436г.). Новые условные предложения в небольшом количестве (9 примеров) встречаются в московских грамотах XV в. Отсюда до полного превращения *будет* в условный союз, как кажется, остается один шаг – утрата согласования с подлежащим, уже возможная в грамотах XV в., ср.: *А что еси, з(о)с(поди)не, поималъ казну мою, или м(а)ти тво поимала, или что мои поклажаши поимали **будет**, и то ти мнѣ штидати* (ДДГ, № 36 б, ок. 1439 г.).

В более поздних памятниках XVI-XVII вв. фиксируются структуры, отличающиеся от приведенной только отсутствием согласования между *будет* и л-формой и возможностью употребления других глагольных форм, ср.: *А **будет** у него роду не станетца, а выкупать не пахотять... взять по той же цѣне* (Ворон.д., 2, 1620 г.) (см. об этом [Шевелева 2008, с. 54]).

Исследованные тексты XV в. свидетельствуют о принципиальных различиях в функционировании конструкции *будет* + -л в деловой письменности Москвы и нов-

городско-псковских земель. Тогда как в московских грамотах в рассматриваемый период отмечается резкое возрастание частотности *будет* + -л, в грамотах северо-запада, напротив, видим резкое сокращение количества употреблений рассматриваемой конструкции (всего 4 примера).

Различия касаются не только частотности, но и синтаксических структур, в составе которых представлена конструкция *будет* + -л. В грамотах Новгорода и Пскова (XV в.) последняя еще употребляется в старых условных предложениях в контексте с условным союзом *ажже* (всего 2 примера), напр.: *Аже **будетъ** здѣ заложиле или запродаде поля, землю или пожни, а то откупити Прокую своимъ серебромъ* (ГВНП, №121, XV в.). Такое употребление для московской письменности уже в XIV в., видимо, является архаизмом: ни одного подобного примера здесь не фиксируется на протяжении XIV-XV вв. Напротив, в грамотах Москвы, как уже было сказано, основной сферой употребления конструкции *будет* + -л являются предложения с корреляционной связью, и уже с XV в. отмечаются структуры, не характерные для северо-запада – новые условные предложения.

Выявленные различия в употреблении конструкции *будет* + -л между новгородско-псковскими и московскими грамотами свидетельствуют о том, что тенденция к функциональному сближению *будет* с условным союзом зарождается в центральной диалектной зоне, причем прежде всего в рамках употреблений конструкции *будет* + -л, которая становится к XV в. в одной из характерных черт языка московской деловой письменности. Эта структура, малоупотребительная в деловой письменности Новгорода и Пскова, была известна в живом языке северо-западных говоров [Зализняк 2004]. При этом в современных псковских говорах условный союз, восходящий к *будет*, отсутствует, а случаи употребления условного *будет* в XVI-XVIII вв. фиксируются в контекстах, язык которых явно ориентирован на традиции Москвы [ПОС, 2, с. 195-196]. По-видимому, происхождение условного союза *будет* следует связывать прежде всего с особенностями употребления конструкции *будет* + л-формы в центральных говорах, тогда как западные и северо-западные говоры оказали влияние на распространение другого условного союза – *если* [Шевелева 2008, с. 47].

ЛИТЕРАТУРА

- АОС: Архангельский областной словарь. Вып. 2. М., 1982.
ГВНП: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949.
ДДГ: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI в. М., 1950.
Зализняк 2004: Зализняк А.А. Древненогородский диалект. 2-е издание. М., 2004.
Лавров 1941: Лавров Б.В. Условные и уступительные предложения в древнерусском языке. Л., 1941.
Никон. лет.: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. // Полное собрание русских летописей. Т. XIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000.
Пожарицкая 2010: Пожарицкая С.К. Модальные слова, производные от глагола БЫТЬ, БЫВАТЬ, в севернорусской диалектной речи. // Русский язык в научном освещении. 2010. №1 (19).
ПОС: Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 2. Л., 1972.

И.Л.Титаренко-Качура, В.П.Бонев (Болгария, Бургас, Университет имени Проф. д-ра Асена Златарова)

О РОЛИ РУССКОГО ЯЗЫКА В ФОРМИРОВАНИИ И ОБОГАЩЕНИИ ЛЕКСИКИ СОВРЕМЕННОГО БОЛГАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА (В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ)

Русское языковое влияние в Болгарии обычно относится исследователями к 17 в., когда расширяется проникновение русской печатной книги в Болгарию. Одновременно с русскими книгами распространяется церковнославянский язык русской редакции. Церковнославянский язык на Руси – это русифицированный староболгарский язык, обогатившийся также элементами среднеболгарского языка (особенно Евфимиевско-Тырновской школы), а также языковыми элементами, выработанными на русской почве по литературным нормам. Церковнославянский язык русской редакции сыграл важную роль в Болгарии.

До утраты политической самостоятельности Болгарии староболгарская и среднеболгарская литература отличается исключительным богатством и разнообразием. С 15 в. культурная жизнь развивается в очень неблагоприятных условиях иноземного владычества. В литературных произведениях болгарских писателей 15 в. видим продолжение Тырновской литературной и языковой традиции, которая постепенно демократизируется. Болгарская литературная традиция развивается и в последующие столетия, главным образом, в монастырях. Увеличивающееся распространение русской книги обусловило тот факт, что одновременно со среднеболгарским литературным языком в Болгарии постепенно стал употребляться также церковнославянский язык русской редакции.

Древнерусские церковно-религиозные тексты начали проникать в Болгарию довольно рано. Это были некоторые оригинальные или переведенные на Руси произведения. Они появились в Киевском государстве в 11-12 вв. и были написаны на церковнославянском языке. Русская редакция церковнославянского языка в 11-12 вв. очень последовательно хранила нормы староболгарского языка, русизмы проникали в него трудно и редко. Поэтому первые появившиеся в Болгарии русские оригинальные и переводные сочинения в отношении языка мало отличались от болгарских текстов. Появление первых русских рукописей обуславливает появление первых русских языковых элементов в среднеболгарских памятниках. Среди южных славян распространялись такие сочинения „общехристианского характера“, как Сказание о Борисе и Глебе, о канонизированных русской церковью святых и др.

На основании того, что нам известно, можно сказать, что только несколько среднеболгарских рукописей содержат единичные русские языковые черты.

Русское языковое влияние проявляется, главным образом, в области лексики. Все исследователи формирования и развития новоболгарского литературного языка

единодушно подчеркивают большое значение русского языка для обогащения его словарного состава. Из русского языка в болгарский литературный язык вошло немалое количество слов, относящихся к книжной лексике. Количество русизмов определяется отдельными исследователями по-разному. По нашим подсчетам, в Болгарском толковом словаре [БТР 1976] заимствованными из русского языка определяются 1070 слов, в 3-томном Словаре современного болгарского литературного языка [РСБКЕ 1955-1959] – 838 лексических единиц, в Словаре иностранных слов [РЧДБЕ 1978] – 271 слово. Этот количественный разброс неслучаен. Он объясняется отсутствием определенных критериев определения русизмов в болгарском языке. А разработать строгие критерии определения лексических церковнославянизмов и русизмов в болгарском литературном языке – задача очень трудная. Трудности вытекают главным образом из того, что мы не имеем полного исследования лексики в болгарских письменных памятниках 17-18 вв. В связи с этим во многих случаях, пока, невозможно решить, каким образом какое-либо слово попало в новоболгарский литературный язык – из болгарской литературной традиции или из церковнославянского и русского языка. Из русского языка современный болгарский язык заимствует немалое количество слов, главным образом, отвлеченной абстрактной лексики. Это помогало болгарскому литературному языку пополнить свой лексический состав отсутствующими в нем словами.

Учитывая большие, порой непреодолимые из-за современного состояния исследования лексических заимствований в современном болгарском литературном языке трудности, мы постараемся дать только некоторые предварительные сведения о русской лексике в болгарском языке.

1. Начиная с 17 в. в болгарском языке, в письменности все чаще появляются церковнославянские и русские слова.

А) При наличии фонетических русизмов в словах, употребляющихся в современном болгарском языке и имеющихся в древнеболгарском языке, можно утверждать, что их употребительность в новоболгарском литературном языке связана с церковнославянским влиянием. Так, в староболгарском языке были слова *бѣдрѣсть*, *рѣвность* и т.п., но в современном болгарском литературном языке они отражают не болгарские, а русские произносительные нормы.

Не следует забывать, что некоторые церковнославянские и русские слова, особенно 19 в., подвергались болгаризации [Пиронков 1927-1928; Пиронков 1928-1929], но это не означает, что их надо исключать из состава церковнославянско-русских заимствований. Известно, что довольно рано слова на *-ок* получили болгарскую форму *-ък*: *недоимък*. Приставки *со-*, *во-*, *воз-* перешли в *съ-*, *въ-*, *въз-*: *съвещание* (рус. *совещание*), *въдворявам* (рус. *водворить*), *възпоменание* (рус. *вспоминание*) и др. Такой процесс изменения *о* в *ъ* произошел не только в приставках, например: *мълния* (рус. *молния*), *длъжност* (рус. *должность*) и др. Полногласные сочетания заменяются неполногласием: *прелом* (вм. *перелом*). Везде снимается звук *ы*, употреблявшийся в староболгарском языке, но отсутствующий в новоболгарском, и заменяется звуком *и*, ср.: *взрив* (вм. *взрыв*), *бит* (вм. *бит*).

Б) С меньшей уверенностью можем утверждать, какие из слов с суффиксами *-тель*, *-ие*, *-ние* (*-ание*, *-ение*), *-ство* (*-ество*, *-енство*), *-ость*, *-ствие* и пр. появились из церковнославянского и русского языков, и какие – из болгарских текстов,